

УДК 82.161.1
DOI 10.25991/AE.2022.22.39.002

О. В. Богданова

Богданова Ольга Владимировна — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Русская христианская гуманитарная академия
orcid.org/0000-0001-6007-7657
E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О НАЗВАНИИ ПОЭМЫ Н. А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»*

В статье прослеживается путь названия Н. А. Некрасовым его знаменитой поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Показано, что претекстом (и претитулом) Некрасову послужили записи фольклорных песен, сделанные П. Н. Рыбниковым и опубликованные в 3 частях в 1860-х годах. Свое влияние оказали и записи народных песен известных собирателей П. И. Якушкина и Е. В. Барсова. Прослежено, насколько последовательно Некрасов-Перепельский следует за текстом устного народного поэтического творчества, в частности за похоронными причитаниями знаменитой северорусской плакальщицы Ирины Федосовой, выступавшей перед публикой в Санкт-Петербурге. Плакательно-трагический пафос народных песен становится для Некрасова доминирующим.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, «Кому на Руси жить хорошо», название, фольклор, П. Н. Рыбников.

Bogdanova O. V.

ONCE AGAIN TO THE QUESTION OF THE TITLE OF THE POEM BY N. NEKRASOV
“TO WHOM IN RUSSIA TO LIVE WELL”

The article traces the way N. Nekrasov called his famous poem “To Whom in Russia to live well”. It is shown that the pretext (and the pretitul) Nekrasov was served by recordings of folklore songs made by P. Rybnikov and published in 3 parts in the 1860s. Recordings of folk songs by famous sobirtels P. Yakushkin and E. Barsov also had their influence. It is traced how consistently Nekrasov-Perepelsky follows the text of oral folk poetry, in particular the funeral lamentations of the famous North Russian mourner Irinya Fedosova, who spoke to the public in St. Petersburg. The tearful and tragic pathos of folk songs becomes dominant for Nekrasov.

Keywords: N. Nekrasov, “To Whom in Russia to live well”, title, folklore, P. Rybnikov.

Как уже неоднократно свидетельствовали специалисты-некрасоведы, поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» создавалась в таких условиях, когда на самом раннем этапе ее формирования автору-создателю становилось очевидно, что воплощение замысла фактически исчерпывало себя в рамках первой (отчасти второй) части (частей) [см. об этом подробнее: 3, с. 19–27]. Некрасов, несомненно, рано осознавал, что продолжение поэмы бесперспективно: найти счастливого героя-странника не смогут, в поиске ответа на титульный вопрос поэма должна была неизбежно остаться «безответной», объективно незавершенной и незавершаемой¹. Но заявка о доведении начатого текста до логического финала, хвалебные отклики единомышленников² заставляли Некрасова думать о продолжении поэмы, о работе, которая растянулась более чем на десять лет (но так и осталась незавершенной). Как показали выше приведенные наблюдения, появившийся через семь лет после первой части фрагмент «Последыш» со всей очевидностью отношения к первоначальному замыслу, который захватил Некрасова много лет назад, уже не имел: «Последыш» был самостоятелен и (как было продемонстрировано) даже чужероден поэме.

Однако, кажется, понимая бесперспективность продолжения поэмы «Кому на Руси жить хорошо», тем не менее Некрасов не думал о ее скором завершении, но, наоборот, и много лет спустя возвращался к оставленному тексту с намерением продолжить и развить его, эпизировать согласно заявленному определению поэмы как «эпоса крестьянской жизни». Подобная настойчивость не находит видимой объективной мотивации, но именно на этом пути возникла глава «Крестьянка» («Из третьей части»)³, уже только по подзаголовку оказывающаяся (как и «Последыш») изолированной от «Части первой» и отстоящая во времени создания от первых глав почти на десять лет (время работы над главой — 1873 г.).

В отличие от предшествующей главы «Последыш», структура «Крестьянки» не односложна, но многочленна, это не единый повествовательный текст, но восемь (достаточно) самостоятельных подглавок, связанных повествовательным голосом и имеющих собственного героя и соответственно самостоятельное конкретизирующее название, развивающих самостоятельный фабульный подсюжет:

Пролог
Глава I. До замужества

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00272 «Н. А. Некрасов: pro et contra. Личность, деятельность, творческое наследие Некрасова в оценках отечественных мыслителей и исследователей».

- Глава II. Песни
 Глава III. Савелий, богатырь святорусский
 Глава IV. Демущка
 Глава V. Волчица
 Глава VI. Трудный год
 Глава VII. Губернаторша
 Глава VIII. Бабыя притча

Поглавное структурирование «Крестьянки», фрагментирование сюжета, новый персонажный состав части позволяли Некрасову переделить ее на жанровом уровне как самостоятельную поэму. Между тем автор был намерен включить «Крестьянку» в единый корпус поэмы, поэмы-эпопеи, можно предположить — поэмы-романа⁴, тем самым актуализируя, с одной стороны, черты цельности создаваемого произведения, с другой — обеспечивая признаки дополнительности его отдельных частей. Неслучайно формальным объединительным принципом в «Крестьянке» по-прежнему остаются образы крестьян-правдоискателей, обращающихся к героине «третьей части» — крестьянке Матрене Тимофеевне Корчагиной — с вопросом о счастье:

Освободи нас, выручи!
 Молва идет всесветная,
 Что ты вольготно, счастливо
 Живешь... Скажи по-божески:
 В чем счастье твое? [7, с. 128]

Однако, как и в части «Последыш», присутствие героев-странников носит исключительно формальный (необязательный) характер, ориентированный на обеспечение «единого» текста образом-связкой (в данном случае коллективным образом семи крестьян), необходимой исходной сюжетной ситуацией-завязкой, которая позволила бы героине взять на себя нарративную функцию, а автору в продолжение всей «Части третьей» опереться на монологизированный субъектный рассказ «сквозного» персонажа.

Кардинальная трансформация повествовательной стратегии, предпринятая Некрасовым в «Крестьянке», провоцирует вопрос: с чем были связаны столь решительные изменения? чем они были продиктованы? от какого претекста отталкивался поэт?⁵

В ответе на эти вопросы возникает потребность (вновь) обратиться к прошлому поэта, к доминантным (преобладающим) принципам его творческой самореализации. Речь вновь должна идти о Некрасове-Перепельском, о поэте, который умел «перепевать» чужие мотивы, талантливо адаптировать услышанные *чужие* истории на *свой* лад.

Что касается главы «Крестьянка», то в данном случае источником «чужих историй», со всей несомненностью, становится фольклор, устное народное творчество. В «третьей части» более, чем в других, Некрасов непосредственно и буквально ориентировался на русский фольклор, неслучайно в «Крестьянке» художественный текст последовательно и устойчиво оснащен ссылками-пояснениями, в которых поэт многократно дает объяснения тем или иным выражениям и речевым оборотам,

мотивам и развернутым метафорам, образам и деталям⁶.

Ориентация Некрасова на фольклор отмечалась многими исследователями-некрасоведами, и всеми без исключения ставилась автору в заслугу. Между тем в суждениях компетентных и наиболее чутких ученых (порой) обнаруживали себя такие определения-квалификации, которые можно интерпретировать как слова-проговорки, психологически точно отражающие бессознательный («не контролируемый») план восприятия некрасовского текста. Так, примером такого рода «проговорок» могут послужить рассуждения известного некрасоведа Н. Н. Скатова. С одной стороны, характеризуя слог некрасовской народной поэмы, исследователь словно бы восторженно констатирует: «Почти каждое <...> “словечко” значимо не только само по себе, но опирается на народную пословицу или песню, на поговорку или легенду, почти каждое впитало многовековой опыт народной жизни, так что поэма оказалась как бы произведением не одного поэта, но и народа в целом» [9, с. 118]. Но, с другой стороны, исследователь в то же время спорит с самим собой, опровергает собственные «незвученные» мысли: «*Но* поэма совсем не стала *лишь* своеобразной *реставрационной* мастерской, дающей новую жизнь старым притчам и преданиям...» [9, с. 117–118] (выд. мною. — О. Б.). Авторитетный ученый невольно, но весьма точно квалифицирует преобладающий характер творческой интенции Некрасова — реставрация, перепевы.

Выше уже шла речь о том, что наиболее яркими страницами творчества Некрасова становились те, за которыми легко распознается текстуальный «прародитель», «праавтор» и «праисточник», как, например, знаменитые «Записки» княгини М. Н. Волконской, послужившие «материалом» для одной из глав поэмы «Русские женщины», или «Размышления у парадного подъезда», основанные на горьких впечатлениях А. Я. Панаевой, или *посттургеневская* поэма «Саша», или *отгоголевское* стихотворение «Блажен незлобивый поэт...» и мн. др. Между тем понятие фольклора «безличностно», ибо folk + lore продукт коллективного народного (со)творчества, следовательно, о неких конкретных образцах для подражания вряд ли можно говорить. Однако специалистам хорошо известно, что это не так, и комментарии к собранию сочинений Некрасова тому свидетельство.

Текстологи, анализировавшие черновые наброски и пометы на листах рукописи поэмы «Кому на Руси жить хорошо», обратили внимание, что замысел главы «Крестьянка» относится к началу 1860-х годов, т. е. к самым первым годам работы над текстом задуманной поэмы. По утверждению авторов комментария к Полному собранию сочинений и писем, первые наброски к «Крестьянке» зафиксированы «в перечне ее глав или эпизодов двумя записями: “Баба — конь в корне” и “Губернаторша”» [7, с. 652; см. также: 2, с. 184–209].

Псарь.
Помещ<ик> бед<ный> (стул).
Молодые помещики.
Высовывай язык.
Медведь.
К начальник<у> губ<ернии>.
Подрядчик.
Баба — конь в корене.
Под мостом.
Рожь кормит всех.
Губернаторша.
Флор.
Мы тут ворует лес [7, с. 592].

При этом относительно фрагмента под названием «Баба — конь в корене» комментаторы уточняют: «Видимо, поэт хотел нарисовать тип сильной женщины, на которой держится дом, хозяйство <...>. Не случайно действие главы с самых ранних набросков к ней развертывается в костромских местах: в связи с массовым уходом мужчин на отхожие промыслы женщины занимали там ведущее место в хозяйстве, отличались смелостью и инициативностью» [7, с. 652; см. также: 10, с. 68–70].

Наброски к главе «Губернаторша», по мысли исследователей, «дают возможность утверждать, что речь должна идти о женщине, которая в поисках справедливости и защиты от каких-то семейных и административных притеснений идет в город и добивается помощи губернаторши» [7, с. 652]. Комментаторы добавляют: «Возможно, что в основе замысла “Губернаторша” лежит какой-то реальный случай, о котором Некрасов слышал и который он зафиксировал, как это часто делал, “одним словечком”. Известно, например, что в 1864 г. городской голова Костромы А. А. Акатов на свои средства открыл богадельню на 10 мест (Костромские губернские ведомости, 1864, № 10); С. В. Акатова (видимо, его жена) числилась в списках местных филантропов (Костромские губернские ведомости, 1863, № 17). Летом 1862 г. в Костроме построили новое здание городской больницы, но отделение для женщин и детей было очень маленьким и тесным. Может быть, этим фактом навеян один из ранних набросков к главе — “Пришла в больницу женщина...”» [7, с. 652].

Примечательно, что замысел будущей части под названием «Крестьянка» как будто бы уже намечался в 1860-х годах, по крайней мере запись «Губернаторша» в набросках поэта может рассматриваться в коррелятивной связи с «Губернаторшей» восьмой главы окончательного текста «Крестьянки». Между тем в 1860-х годах ни глава «Баба — конь в корене», ни «Губернаторша» написаны не были. Их отголоски проступили в тексте поэмы лишь десять лет спустя. То есть материала для полноценных глав на раннем этапе у Некрасова не было, он появился позже.

Исследователи давно установили тот факт, что импульсом к созданию главы «Крестьянка» послужили записи народных песен, сказаний, легенд, которые вышли из печати в 1870-х годах. В «Ком-

ментариях» к Полному собранию сочинений значится: «Толчком для реализации раннего сюжетного замысла о судьбе крестьянки, удостоившейся губернаторской милости, явилось для Некрасова знакомство с вышедшим в 1872 г. первым томом “Причитаний Северного края”, собранных Е. В. Барсовым. Большую часть тома составляли похоронные плачи замечательной народной поэтессы, олонецкой вопленицы И. А. Федосовой; здесь же была опубликована автобиография ее, записанная Барсовым. Поэтическое богатство, глубокий психологизм и драматизм федосовских причитаний, своеобразие биографии сказительницы захватили Некрасова. Он читает сборник Барсова, а также третью и четвертую части “Песен, собранных П. Н. Рыбниковым”, где содержались, в числе других фольклорных материалов, свадебные песни и причитания, делает из этих книг многочисленные выписки (л. 94, 95, 116, 118–119 автографа ИРЛИ А), рассматривая причитания как ценнейший поэтический документ о жизни русской деревни и русской женщины-крестьянки» [7, с. 652]. Более того, как сообщают комментаторы, «уезжая летом 1873 г. за границу, Некрасов берет эти сборники с собой»: «На основе творческой переработки народно-поэтических текстов сборников Барсова и Рыбникова, автобиографии И. А. Федосовой, громадного массива народных поговорок, загадок, песен и присловий, которыми было насыщено поэтическое сознание Некрасова, и строит он, в значительной мере, рассказ Матрены Корчагиной» [7, с. 652].

Заметим, что «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (1861–1867) вышли значительно раньше «Причитаний...», собранных Е. В. Барсовым (1872), и Некрасов, несомненно, был знаком с ними. Однако в 1860-х годах замысел части-фрагмента о женской судьбе осуществлен не был — поэтическому воображению не на что было опереться, стержневой фабульной линии не доставало. Песни, собранные Рыбниковым, не отвечали «печальной лире» Некрасова-идеолога, как известно, главным образом поэтизовавшего трагедийную сторону народной жизни. Рыбниковские же тексты, преимущественно «счастливые» — героические, богатырские, сказочные [8], не давали поэту фабульно-ситуативного материала, не отвечали «горькой» тенденции.

Так, «Часть первая» (1861) и «Часть вторая» (1862) «Песен...» Рыбникова содержали тексты народных былин, старин и побывальщин, песен былевых — княжеских, молодецких, героями которых были «богатыри старшие», «богатыри киевские», «удальцы новгородские», герои «безыменные». «Часть третья» (1864) и «Часть четвертая» (1867) — наряду с народными былинами, старинами, побывальщинами и историческими песнями — включали в себя песни бытовые и «беседные», сказки, поверья, суеверия, заговоры. «Заплачки свадебные и похоронные», связанные с субъективированными переживаниями радости и потерь, составляли весьма малую часть третьего тома. То есть знакомство

Некрасова с изданием П. Н. Рыбникова со всей очевидностью должно было иметь влияние на поэта, однако это влияние отчетливо не эксплицируется. «Песни...» П. Н. Рыбникова, кажется, не предоставляют образцов прямых текстовых перекличек и точных параллелей. Может показаться, что влияние «Песен...» на Некрасова обнаруживает себя весьма поверхностно, обобщенно, неконкретно.

Между тем появление «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым», несомненно, имело влияние на Некрасова и непосредственно на поэму «Кому на Руси жить хорошо». Достаточно указать тот факт, что первоначально, создавая образ Павла Веретенникова из «Первой части» поэмы, Некрасов намеревался дать герою фамилию Рыбников. В «Комментариях» к собранию сочинений отмечено: «...там “добрый барин” прямо назван Рыбниковым» [7, с. 636].

По мысли комментаторов, Павлуша Веретенников — это образ «народного заступника» из дворян, который «вызывает ассоциации с реальными деятелями демократического движения 1860-х гг., прежде всего с известными фольклористами и этнографами Павлом Якушкиным и Павлом Рыбниковым <...>» [7, с. 636].

Веретенников у Некрасова — «добрый барин», собиратель народного фольклора. О самом герое сообщается мало, но дается его портретная характеристика.

Какого роду-звания,
Не знали мужики,
Однако звали «баринном».
Горазд он был балясничать,
Носил рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги;
Пел складно песни русские
И слушать их любил.
Его видали многие
На постоянных дворяках,
В харчевнях, в кабаках [7, с. 33].

На постоянных дворах, в харчевнях и кабаках Павлуша Веретенников не просто слушал песни русские, но записывал их.

И видят: Веретенников
<...>
Беседует с крестьянами.
Крестьяне открываются
Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку —
Пять раз споют, записывай!
Понравится пословица —
Пословицу пиши! [7, с. 41]

Современные исследователи высказывают предположение, что за образом Павла Веретенникова у Некрасова стоит личность хотя и обобщенная, но вполне конкретная и даже реальная. См. в «Комментариях»: «<...> в окончательной редакции текста Некрасов воспользовался фамилией журналиста

П. Ф. Веретенникова, посещавшего несколько лет подряд Нижегородскую ярмарку и известного своими публикациями-отчетами о ней в “Московских ведомостях”...» [7, с. 636].

Между тем известно и другое: «При доработке текста фамилия доброго “барина” Рыбникова <была> переделана (сначала — Хлебников, затем — Веретенников)» [7, с. 623].

В одном из вариантов поэмы — Иван Иванович Хлебников:

А. Да был тут [баринок.
Его уж знали многие
Крестьяне: у священника
Он в Заозерье жил
По деревням похаживал
Поглядывал, расспрашивал
В тетрабочку писал]
Б. Да был тут [молодец]
Иван Иванович Хлебников... [7, с. 285]

В другом варианте — Павел Хлебников:

У столбика дорожного
Знакомый голос слышится:
Подходят наши странники
[И видят: Павел Хлебников]
(Что башмачки козловые
Вавиле подарил) [7, с. 298]

Сказал [тот барин Хлебников]
Сказал [Павлуша Хлебников]
Одно нехорошо [7, с. 298]

Обратим внимание, что фамилия Хлебников со всей очевидностью рифмически соответствует фамилии Рыбников (Хлебников // Рыбников) и устанавливает с первой ассоциативную связь. Если вдуматься, фамилия героя Рыбников происходит не от слова «рыба», как можно было бы предположить, но от слова «рыбник», т. е. крестьянский «хлеб», пирог с рыбой. И таким образом вариант «Хлебников» упрочивает связь героя Павлуши Веретенникова (в первоначальных редакциях Рыбникова-Хлебникова) именно с собирателем П. Н. Рыбниковым, а, например, не с орловским фольклористом П. И. Якушкиным [см.: 6]?

Хотя о П. И. Якушкине как прототипе некрасовского Веретенникова убедительно пишет В. А. Кошелев. По наблюдениям исследователя, «Павлуша Веретенников по деталям характера, отраженным в поэме, больше напоминал <...> близкого поэту, собирателя фольклора Павла Ивановича Якушкина. “Лицо его корявое / Крестьянам примелькалось...” (5, 285) — указал Некрасов в одном из вариантов. “Корявое лицо” — это “примета” именно Якушкина, который, еще в 1840-е годы, одним из первых стал систематически записывать народные песни, загадки, заговоры и т. п.» [5, с. 30].

В связи с фамилией «Хлебников» следует напомнить и еще один факт: имя Андриянь Хлѣбниковъ зафиксировано в «Причитаниях», записанных

В. Е. Барсовым, и звучит в автобиографии сказительницы Анны Лазорихи. Рассказывая историю замужества, она сообщает: «просватали нехотя — баринь Андриянь Хлѣбниковъ». Однако этот источник оказался в руках Некрасова позднее «Песен...» П. Н. Рыбникова.

Но как бы то ни было — был ли Павлуша Веретенников порождением представлений поэта о Павле Н. Рыбникове, Павле И. Якушкине, Павле Ф. Веретенникове или др.⁸ — в любом случае текст поэмы явно указывает на знакомство поэта с изданием рыбниковских «Песен...». И это утверждение влечет за собой новые важные соображения.

Во-первых, можно предположить, что народная стилистика нарративного плана всей поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (ориентация на фольклор и апелляция к фольклору) в самом начале 1860-х годов, когда появился первый том издания Рыбникова (1861), была подсказана Некрасову именно записями последнего, одним из первых осуществившего работу по собиранию песен исторических, былинных, бытовых, беседных и проч.⁹

Во-вторых, возможно, сама стратегия «сборания» единой поэмы из впечатлений семи героев, отправившихся по дальним дорогам и побывавших в различных деревнях, навеяна странничествами собирателя П. Н. Рыбникова (и др.).

Наконец, можно предположить (и утверждать!), что само название поэмы Некрасова порождено «Песнями...» П. Н. Рыбникова — в частности песней № 87 (из первого тома) и песней № 59 (из второго тома рыбниковского издания).

Обратимся к песне № 59 под названием «Каково птицам жить на Руси» (Sic!):

Прилетела малая птичка-пташка
Изъ заморья, изъ тихаго лукоморья,
И спрашивала у Русскихъ птицъ:
«Каково вамъ жить на Руси?» [8, ч. 2, с. 310–311]

И далее вся песня «Каково птицам жить на Руси» построена на ответе «русских птиц»:

Отвѣчали Русскія птицы:
— Хорошо намъ жить па Руси:
— Всѣ птицы у насъ при дѣлѣ,
— Всѣ птицы у насъ при работѣ
— И всѣ птицы у насъ при каравулѣ.
Живуть оны въ домахъ по рагузамъ.
Губань птица на морѣ плотникъ.
Зуй птица на морѣ поваръ.
Ястребъ на морѣ стряпчій:
Съ богатаго двора беретъ по полушкѣ,
Со вдовы съ сироты беретъ по двѣ и по три, —
То есть великая въ немъ неправда.
Лебеди на морѣ бояра.
Гусь на морѣ морской ходатай <и т. д.>
[8, ч. 2, с. 312].

Следует признать, что параллель между образами птиц и людей (боярин, стряпчий, ходатай,

повар, плотник и др.) отчетливо эксплицируется в народном тексте и подсказывает возможность смены повествовательной перспективы: развертывания сходного субъектного диалога не между птицами (русскими или заморскими), но между персонажами-людьми (крестьянами и попом, крестьянами и помещиком, крестьянами и вельможей, и др.).

Обратим внимание, что песня № 87 (часть I) представляет собой «обратный» вариант, когда русские птицы обращаются к птице заморской:

Ты скажи, заморская птица,
Скажи намъ, не утай же,
Скажи-то Божію правду:
Кто у васъ на морѣ большій,
Кто на Дунайскомъ меньшій? [8, ч. 2, с. LXXIV]

По словам заморской птицы, у них на Дунае меньших нет:

Колпикъ у насъ — Бѣлый царь,
А бѣлая колпица — царица,
А ясный соколь — тотъ воевода,
Селезни — торговые гости (и т. д.)
[8, ч. 1, № 87, с. 486].¹⁰

«Парные» песни № 87 (часть I) и № 59 (часть II) демонстрируют кардинальную смену дискурсивной адресации и, как следствие, трансформацию смыслового поля нарратива — тем самым подсказывая поэту механизм транспозиции фольклора в художественное литературное творчество.

Пояснение Петра Безсонова (П. А. Бессонова) к записям песен о птицах содержит следующие наблюдения: по мнению издателя, птицы русские в песне № 87 «заговорили поскорее о том, что больше всего вертится на душе у мира-народа, при задачах его жизни гражданской» [8, ч. 2, с. LXXIV]. Комментатор делает акцент: «...и спросили не просто, а до того искренно и взаправду, что молили о правде именем Божьим, да не утай, да скажи правду» [8, ч. 2, с. LXXIV]. Стилистика диалогического общения, персонажной коммуникации — поиска *правды именем Божьим* — явно унаследована (зайствована) Некрасовым из той же песни (песен) о птицах.

Таким образом, совершенно очевидно, что несколько модифицированный титульный (заглавный) вопрос, константный характер вопросно-ответной формы композиционного построения, формирование устойчивых речестилевых нарративных стратегий прямо указывают на «пратекст», послуживший Некрасову непосредственным толчком к его «эпическому» замыслу — это песня «Каково птицам жить на Руси», записанная П. Н. Рыбниковым¹¹.

И хотя доминирующая историческая, былинная, богатырская («молодеческая») тематика основного корпуса «Песен...» П. Н. Рыбникова в малой степени могла дать бытовой (конкретизированный) материал к развертыванию магистрального замысла будущей поэмы, связанного в первую очередь с об-

щественной и гражданской жизнью России середины XIX века (речь у Некрасова не могла идти о Царе Петре или Стеньке Разине, исторических героях, об Илье Муромце или Микуле Селяниновиче, былинных героях, персонажах первых томов «Песен...» Рыбникова), тем не менее, как становится ясно, имплицитную (надтекстовую, генеральную) основу будущего эпоса «Кому на Руси...» Некрасов заимствовал именно из «Песен...» П. Н. Рыбникова. Но если преобладающий пафос народной героики «Песен...» мало подходил поэме «о крестьянской жизни», не мог стать базой для необходимой Некрасову бытовой (внегероической) конкретики, то «Причитания Северного края» Е. В. Барсова («Плачи...»), появившиеся десятью годами позже, открывали для поэта совершенно иные тематические и интонационные перспективы (в том числе и прежде всего для создания главы «Крестьянка»).

В этой связи со всей определенностью можно констатировать, что исходно поэма «Кому на Руси жить хорошо», и соответственно ее «Часть первая», создавалась под непосредственным и самым существенным влиянием «Песен...» П. Н. Рыбникова (несомненно, и под влиянием В. И. Даля, и П. В. Киреевского, но можно утверждать — начальным толчком послужил именно П. Н. Рыбников).

«Из части второй» — глава «Последыш» — была порождена живым откликом на популярный в какой-то момент в некрасовском кругу анекдот о барине, не желавшем знать о реформе Александра II, рассказанный (вполне вероятно, по некоей случайности) одним из декабристов, возвращающимся из ссылки, — возможно, А. В. Поджио и/или услышанный Некрасовым в пересказе Н. А. Белоголового.

Наконец, глава «Крестьянка» — «Из части третьей» — стала непосредственным откликом на появление «Причитаний Северного края», собранных Е. В. Барсовым.

Появление книги Е. В. Барсова — преимущественно похоронных плачей («Часть I. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные», 1872) — оказалось стилистически и идеологически «средственным» Некрасову, близким его тенденции в изображении народной жизни. Состав первого тома издания Барсова включал в себя именно *плачи*, не песни:

Плачь вдовы по мужѣ
 Плачь дочери по отцѣ
 Плачь дочери по матери
 Плачь по женѣ
 Плачь по сынѣ
 Плачь по дочери
 Плачь по крестницѣ
 Плачь по родному братѣ
 Плачь по сестрѣ
 Плачь по дядѣ родномъ
 Плачь по братѣ двоюродномъ
 Плачь по дядѣ двоюродномъ

Плачь по сватѣ
 Плачь по убитомъ громомъ-молніей
 Плачь о потопшихъ
 Плачь о упьянливой головушкѣ
 Плачь о старостѣ
 Плачь о писарѣ
 Плачь о попѣ отцѣ духовномъ

Более того, (авто)биографии И. А. Федосовой и других плакальщиц, с которыми работал Барсов, помещенные в изданиях («Свдѣнія о вопленицахъ, отъ которыхъ записаны причитанья»), позволяли Некрасову, наконец, выстроить сюжетный (развернутый) стержень главы, в которой на первый план выходил образ главной героини-женщины, а у ее рассказа появлялась связанная и развернутая фабульная нить, яркие биографические (жизненные, бытовые) эпизоды, которые теперь могли быть нанизаны на стержень сквозных воспоминаний персонажа, а их разрозненность могла обрести оправданную (мотивированную) корреляцию. По сути Некрасов воспользовался сходным тактическим приемом, как и во всей поэме, — образ крестьянки Матрены Тимофеевны (как и образы семи странников-крестьян) позволял «упорядочить» жизненные впечатления, систематизировать фрагменты людских судеб, расположить их в единстве последовательной сюжетной цепи. И далее — вплести в них те задумки, которые были означены в писательских черновиках еще десять лет назад, а именно — «Баба — конь в корене» и «Губернаторша». Часть «Крестьянка», наконец, получала возможность обрести содержательную реализацию, основанную (в главном) на рассказе о собственной жизни талантливой сказительницы И. А. Федосовой. Как и в случае с М. Н. Волконской, Некрасов переложил («перепел») индивидуально-авторский федосовский рассказ, исполненный ярких субъективных чувств и выразительных эмоциональных переживаний. После появления «Плачей» Ирины Федосовой Некрасов был избавлен от сложностей творения им образа героини-крестьянки (что не давалось ему долгие годы), теперь его задача состояла в том, чтобы максимально точно воссоздать прочитанное и подслушанное в народе, поэтически приблизить зафиксированный печатно фольклорный материал к восприятию современного читателя, сформировать (скорректировать) в тексте искомую авторскую модальность.

Прав был И. С. Тургенев, когда писал: «Ты сказал свое — да не вовремя, а он — *не свое* сказал — да вовремя. Следовательно, он прав — а тебе остаются утешения собственной твоей совести» («Два четверостишия») [11, с. 161].

Примечания

1. Уже Б. Я. Бухштаб выявлял парадокс первой части поэмы: «Если <...> считать счастливыми богатых, знатных, беззаботных бездельников, за-

главный вопрос поэмы сведется к тавтологии: “Счастливы ли счастливые?”, а ответ к парадоксу: “Счастливые несчастливы”...» [4, с. 119], хотя и оставлял без рефлексии аксиологию бесперспективности некрасовского сюжета, как и все советские исследователи, не решаясь подвергнуть сомнению народность и революционность «эпического» творения поэта-демократа.

2. См., напр., «Комментарии» к Полному собранию сочинений и писем: «Сразу по завершении публикации первой части, 26 февраля 1870 г., он <Некрасов> обратился к поэту А. М. Жемчужникову, рассчитывая получить поддержку своим творческим намерениям: “Напишите мне, пожалуйста, Ваше мнение о последних главах „Кому на Руси жить хорошо” во 2 № „От<естественных> з<аписок>”. Продолжать ли эту штуку? Еще впереди две трети работы». В ответном письме из Висбадена от 25 марта (6 апреля) Жемчужников с восторгом отозвался о напечатанных главах и горячо поддержал замысел Некрасова: «Две последние главы Вашей поэмы „Кому на Руси жить хорошо” и в особенности „Помещик” — превосходны. Поверьте, что я не желаю расточать перед Вами учтивости и комплименты. Вы желаете узнать мое мнение, и я сообщаю Вам его правдиво и серьезно. Эта поэма есть вещь капитальная и, по моему мнению, в числе Ваших произведений она занимает место в передовых рядах. Основная мысль очень счастливая; рама обширная, вроде рамы „Мертвых душ”. Вы можете поместить в ней очень много. *Продолжайте*; без всякого сомнения *продолжайте* <...>” (Лит. наследство. Т. 51–52. С. 284)» [7, с. 627].

3. Впервые опубликовано: Отечественные записки. 1874. № 1. С. 5–74, под заголовком: «Кому на Руси жить хорошо (Из третьей части). Крестьянка».

4. Например, по образцу *романа в стихах* А. С. Пушкина.

5. Можно добавить: как поэту удалось создать столь яркую «Крестьянку»? Уже только авторы комментариев к собранию сочинений утверждают, что «Крестьянка» — «лучшая часть <...> поэмы» [7, с. 655].

6. См. «Комментарии»: «...авторские примечания <...> в журнальной публикации и издании Ст 1874 были помещены в конце главы» [7, с. 650].

7. Знакомство Некрасова с П. И. Якушкиным примечательно и в том плане, что последний — двоюродный брат декабриста Ивана Д. Якушкина, на чьи воспоминания («Записки»), косвенным образом связанные с главой «Последыш», опирался поэт при создании поэмы «Русские женщины» (1871–1872). Первая часть автобиографических «Записок» И. Д. Якушкина была впервые напечатана в Лондоне в 1862 г. (перепечатана в Лейпциге в 1875 г.), вторая часть, о сибирском изгнании, появилась в «Русском архиве» в 1870 г. (отдельное изд. — М., 1871).

8. В этот ряд, несомненно, может быть поставлено и «Собрание народных песен П. В. Киреевско-

го». Напомним, что собрание Киреевского, осуществленное еще в 1830-х гг., по поручению Об-ва любителей российской словесности после смерти собирателя в значительном объеме было опубликовано П. А. Бессоновым — в 1860–62 (1 ч.), 1863–68 (2 ч.) и 1870–74 (3 ч.). Многие из песен собрания Киреевского вошли в книгу Бессонова «Калики переходные» (1861–64, 6 выпусков). Как помним, П. А. Бессонов был издателем и «Песен...» П. Н. Рыбникова.

9. Этим фактом разрешается вопрос о том, мог ли Некрасов в еще 1860 году сделать первые наброски к будущему плану [«Кому на Руси жить хорошо»]: мог, поскольку песни и былины Рыбникова начали печататься с 1859 года («Олонецкие губернские ведомости»).

10. На зависимость основного замысла поэмы от записанной Рыбниковой «песни» указывала Е. В. Базилевская («Из творческой истории “Кому на Руси жить хорошо”: возникновение основного замысла и общей композиционной схемы»), однако авторитет К. И. Чуковского, не согласного с исследователем, опасавшегося обвинения поэта в «компиляторстве» [12, с. 382], заставил считать наблюдения («натяжки и домыслы» [12, с. 385]) Базилевской «гипотезой» за недостатком «конкретных фактов» [см. об этом подробнее: 12, с. 382; а также: 1, с. 461 и др.].

11. В «Комментариях» к Полному собранию сочинений исследователи-специалисты указывают на 3 и 4 тома «Песен» Рыбникова. В свете выше приведенных наблюдений следует признать важность прежде всего 1 и 2 томов рыбниковского издания.

Литература

1. Базилевская Е. В. Из творческой истории «Кому на Руси жить хорошо»: возникновение основного замысла и общей композиционной схемы // Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в. Т. V. М., 1935. С. 460–471.
2. Беседина Т. А. Крестьянка Матрена Корчагина (о приемах типизации в творчестве Некрасова) // Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та. 1966. Т. 309. С. 184–209.
3. Богданова О. В., Некрасов С. М. Тенденциозный дуализм авторского видения (глава «Поп» в контексте поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо») // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1. С. 19–27.
4. Бухштаб Б. Я. Замысел поэмы «Кому на Руси жить хорошо» // Бухштаб Б. Я. Н. А. Некрасов. Проблемы творчества. Л.: Сов. писатель, ЛО, 1989. С. 108–135.
5. Кошелев В. А. «Кому на Руси жить хорошо»: о великой поэме и о вечной проблеме. Вел. Новгород: НГУ, 1999. 169 с.
6. Народные русские песни из собрания П. Якушкина. СПб.: Тип. А. А. Краевского, 1865. 288 с.
7. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др. Т. 5. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. 719 с.
8. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: ч. 1 / сост. П. Н. Рыбников; изд., авт. предисл. П. Безсонов, Д. Хомяков. М.: Тип.

- А. Семена, 1861. 524 с.; ч. 2 / сост. П. Н. Рыбников; изд., авт. предисл. П. Безсонов, Д. Хомяков. М.: Тип. А. Семена, 1862. 734 с.; ч. 3 / сост. П. Н. Рыбников. Петрозаводск: Изд. Олонецкого губернского статистического комитета, 1864. 460, LXXI с.; ч. 4 / сост. П. Н. Рыбников. М.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1867. 398 с.
9. *Скатов Н. Н.* «Я лиру посвятил народу своему»: о творчестве Н. А. Некрасова. М.: Просвещение, 1985. 195 с.
10. *Скатов Н. Н.* О реальных источниках поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Литература в школе. 1964. № 4. С. 68–70.
11. *Тургенев И. С.* ПСС: в 28 т. / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР («Наука»), 1960–1968. Т. 13. Кн. 1. Письма. 1880–1882. [М.]; Л., 1968. 622 с.
12. *Чуковский К. И.* Работа над фольклором // Чуковский К. И. Собр. соч.: в 15 т. Т. 10. Мастерство Некрасова. Статьи. 1960–1969 / сост. и подг. текста Б. Мельгунова и Е. Чуковской. 2-е изд. М.: Агентство ФТМ, 2012. 736 с.